

Православіе и культура

Докладъ о. Сергія Булгакова на сѣздѣ Лиги Православной культуры*).

Формулировка темы одновременно включает постановку вопроса какъ объ отношеніи православія къ культурѣ, такъ и культуры къ православію. Т. е. слѣдуетъ разыскать, гдѣ и какъ встрѣчаются православіе и культура, гдѣ и какъ они могутъ встрѣчаться. Говоря о православіи мы имѣемъ въ виду не столько вѣроисповѣдныя особенности, отдѣляющія православіе отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, сколько общія основы христіанской жизни, свойственныя всѣмъ имъ, но въ православіи выраженыя съ особой силой и полнотой. Культура — въ самомъ общемъ смыслѣ слова — есть творческое дѣланіе человѣка въ мірѣ, дѣланіе, исходящее изъ человѣка, но укрѣпляемое божественной силой. Для того, чтобы понять отношеніе между православіемъ и культурой, нужно выдѣлить въ православіи существенное и основное, безъ чего вообще нѣтъ христіанства. Христіанство есть прежде всего и больше всего духовная жизнь, т. е. прорывъ человѣка изъ міра, изъ себя къ Богу. Въ этомъ смыслѣ христіанство есть непрерывное усиліе къ преодолѣнію тварной ограниченной природы для того, чтобы ощутить Бога, въ Немъ жить. Въ основаніи христіанства, какъ духовной жизни, лежитъ подвигъ борьбы съ самимъ собою, подвигъ аскезы, борьбы со всѣмъ противоборствующимъ истинной человѣчности человѣка и его Богосыновству. Если бы Богъ не нисходилъ къ человѣку, человѣческими усиліями невозможно было бы достигнуть Бога. «Небеса преклонились», Христосъ воплотился, Онъ ближе къ намъ, чѣмъ мы къ Нему, но это не только не ис-

ключаетъ, но и требуетъ отъ насъ усилій непрерывнаго восхожденія. Два крыла возносятъ человѣка къ Богу: одно — видѣніе себя во грѣхѣ — покаяніе, другое — притѣпленіе къ Богу, молитвенное стремленіе къ единенію съ Нимъ. И покаяніе тягостно, и молитва трудна. И можетъ быть, нѣтъ ничего въ духовной жизни болѣе труднаго, чѣмъ молитвенное стояніе предъ Богомъ. Нѣтъ ничего болѣе труднаго потому, что ни постоянное напряженіе въ подвигѣ молитвы, ни постоянная покаянная настроенность никогда не должны угасать: угасаніе ихъ означаетъ и погасаніе духовной жизни. Религіозное разсѣченіе человѣческой жизни, требуемое трудомъ духовной жизни, дѣлало бы человѣческую жизнь неразрѣшимой трагедіей, если бы скорбь и подвигъ разсѣченія не утѣшались, не утолялись благодатію, если бы въ разсѣченіе сердце не влагался уголь серафима, не только сжигающій, но и просвѣтляющій его.

Путь покаянія и молитвы есть путь церковный. Церковь, какъ мѣсто присутствія Божія, постоянной молитвы, есть путь къ восхожденію, къ духовному созрѣванію. Она не только сокровищница даровъ Духа Святаго, но и учительница благочестія. Она хранитъ въ своемъ учительствѣ память о предѣлахъ пути, свойственнаго героямъ духовнаго подвига св. мужамъ, запечатлѣвшимъ свой опытъ въ письменности. Поскольку эта письменность свидѣтельствуешь объ обращенности человѣка къ Богу, она не подвластна времени, запечатлѣна вѣчностью. Поскольку въ ней содержится опытъ жизни въ Богѣ, мало имѣетъ значенія, когда и гдѣ, даже въ какомъ историческомъ вѣроисповѣданіи возникла эта письменность. Поэтому никакое

*) Сокращенная записъ.

развитіе культуры не может умалить или отмѣнить ея откровеній. Но аскетическій подвигъ, выходя изъ подъ власти времени, самъ по себѣ дѣлаетъ человѣка глухимъ и слѣпымъ къ совершающемуся кругомъ него, равнодушнымъ къ міру. Человѣкъ внутри, въ сердцѣ создаетъ свою духовную обитель, проходя въ ней путь подвига, пребывая въ своемъ внутреннемъ монастырѣ. Въ этомъ отъединеніи отъ міра есть моментъ извѣстной неизбежности, т. к. каждый христіанинъ является инокомъ независимо отъ его положенія и состоянія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что всѣ предстоятъ Богу одиноко, одинаково повторяя тотъ путь міроотреченія, который долженъ пройти каждый. Поэтому, дѣйствительно, никакія культурныя достиженія не могутъ умалить тѣхъ произведеній, въ которыхъ запечатлѣны достиженія духовной жизни, какъ мудрость человѣческая никогда не можетъ отмѣнить Слова Божія. Душа слѣпнетъ здѣсь для міра и, стоя на этомъ пути, она не находитъ никакого руководства къ жизни въ мірѣ, въ исторіи. Единственное руководственное указаніе въ отношеніи къ міру это—стремиться къ тому, чтобы міръ какъ можно меньше мѣшалъ въ возрастаніи духовной жизни. Пустынножителство является въ этомъ смыслѣ естественнымъ идеаломъ, и потому, если можно, лучше вовсе уйти отъ міра. Имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе, и радующіеся и пользующіеся міромъ, какъ не пользующіеся, ибо преходитъ образъ міра сего» (I Кор. 7, 29-31). Этими словами св. Ап. Павла можно опредѣлить основную аскетическую установку въ отношеніи міра. При всей исключительной важности и значительности аскетической установки въ христіанствѣ нужно признать, что путь, предлагаемый аскетическими традиціями, не исчерпываетъ всей полноты человѣческой личности, потому, что Богъ связалъ человѣка съ міромъ и

жизнью. Окружающая жизненная дѣйствительность, міръ, исторія, даны намъ какъ неизбежность, и мы неотвратно должны такъ или иначе опредѣлиться по отношенію къ этому, намъ уже данному. Если мы будемъ довольствоваться традиціонной аскетической установкой, какъ довольствовалась ею вся исторія христіанства, то въ отношеніи къ міру останется или его незамѣчаніе или нѣкоторое фактическое приспособленіе къ нему. Последнее заключается въ томъ, что духовная сила, которую даетъ аскеза, становится и исторической силой, которой хватаетъ не только «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», но и для творчества въ мірѣ. Не случайно «культура» происходитъ отъ слова «культъ», — гдѣ есть религиозное напряженіе, тамъ цвѣтутъ и всѣ проявленія культурной жизни. Такую картину цвѣтенія жизни на почвѣ аскезы мы имѣемъ въ Византіи, въ средневѣковьи, а ранѣе—и въ язычествѣ. Но такъ какъ при фактическомъ приспособленіи культура является только непредвидѣннымъ послѣдствіемъ, съ самимъ духовнымъ дѣланіемъ органически не связаннымъ, то рано или поздно культура для христіанскаго сознанія начинаетъ переживаться какъ тяжесть, перестаетъ быть одухотворенною, размѣиваться, становится мѣщанствомъ. Она вѣдь есть результатъ только простого факческаго приспособленія къ дѣйствительности, а не органическаго просвѣтленія, преображенія ея. Отношенія между культурой и аскетической установкой неизбежно все больше и больше развиваются въ направленіи безразличія и даже цинизма. Здѣсь, въ сущности, таится основная причина той болѣзни, которая съ особенной силой раскрывается въ наши дни и называется секуляризацией культуры. Когда считаютъ возможнымъ строить окружающую жизнь, не согласно высшимъ духовнымъ цѣностямъ, а въ порядкѣ приспособленія, предоставляя ее

законамъ міра, тогда и начинается секуляризация міра, возникаетъ внѣрелигіозная автономія различныхъ сферъ культуры. Секуляризованная культура становится сначала соперницей, а потомъ и открытымъ врагомъ христіанства. Аскетическая установка, не имѣя отвѣта вообще относительно культурнаго дѣланія, лишена эсхатологической перспективы и ничего не говоритъ о смыслѣ и цѣли человѣческаго дѣланія, человѣческой исторіи вообще. Если все сводится къ исходу изъ міра, какъ къ наиболѣе желательному, идеальному разрѣшенію вопроса объ отношеніи къ міру и къ жизни, и если спасеніе есть спасеніе только отдѣльной души, то исторія становится какимъ то безцѣльнымъ проходнымъ корридормъ, «послѣднія же времена», о которыхъ говорить св. Писаніе, оказываются пустотой въ смыслѣ отсутствія возможностей какихъ либо свершеній. Въ Новомъ Завѣтѣ выраженіе «послѣднія времена» прилагается, главнымъ образомъ, къ эпохѣ послѣ Христа. Но нужно понять, что это выраженіе имѣетъ здѣсь не тотъ смыслъ, который связываетъ съ нимъ аскетическая установка. Употребляя выраженіе «послѣднія времена», новозавѣтные писатели указываютъ лишь, что со стороны Бога уже совершено все, чему надлежало совершиться, человѣкъ же только еще долженъ совершить все, ему приличествующее. Если понять выраженіе «послѣднія времена» въ специфически аскетическомъ смыслѣ — въ смыслѣ отсутствія дальнѣйшихъ возможностей, въ смыслѣ окончанія историческ. дѣланія, все обезцѣнивается. Аскетическое попустительство въ отношеніи міра становится тогда болѣзнию внутри самого христіанства, ослабляющей силы христіанскаго міра, порождающей глубокіе релігіозные кризисы. Съ одной стороны, аскетической установкѣ, волей не волей, поскольку ея отношеніе къ міру исчерпывается только фактическимъ при-

способленіемъ къ нему, приходится примиряться со все растущей силой міра, силой его творчества, съ другой — вслѣдствіе общей отрицательной оцѣнки историческаго дѣланія, — участіе въ жизни міра при ней переживается какъ грѣхъ, отъ котораго надо спасаться. Создается то трагическое раздвоеніе, котораго одинаково губительно и для христіанства и для культуры. Гоголь, не нашедшій выхода изъ мучительнаго раздвоенія между аскетической настроенностью и даромъ творчества, и сжегшій свои рукописи, — далеко не единственный примѣръ этой трагедіи.

Ботичелли сломать свою кисть, чтобы удалиться въ монастырь. При этой установкѣ всякое культурное дѣланіе становится двусмысленнымъ, сомнительнымъ, внутренне неоправданнымъ. Впрочемъ, исторія христіанства знаетъ еще одну возможность оправданія культурнаго дѣла. Можно признать, что Церковь, поскольку она является и земной организаціей, призвана властвовать надъ міромъ не только внутренне, аскетически, но и внѣшне: чтобы *civitas Dei* въ порядкѣ земной исторіи восторжествовало надъ *civitas diaboli* необходимо, чтобы Церковь и внѣшне побѣдила міръ. Исходя изъ такой установки, конечно, можно въ качествѣ средства *ad maiorem gloriam civit. Dei* принять и оправдать все культурное дѣланіе. Но такой чисто внѣшній утилитарный подходъ къ культурѣ не преодолеваетъ трагедіи, а только замаскировываетъ ее — человѣкъ бѣгается, въ концѣ концовъ, все же трансцендентнымъ, внѣположнымъ, безразлично - чуждымъ по отношенію къ культурѣ. Такое рѣшеніе вопроса приводитъ къ еще болѣе острому и окончательному столкновенію между Церковью, хотящей овладѣть міромъ извнѣ, и міромъ, осознавшимъ свою силу. Такимъ образомъ, чтобы полойти къ вопросу объ отношеніи Православія и куль-

туры, слѣдуетъ поставить вопросъ въ самой общей и радикальной формѣ. Есть ли сложившаяся аскетическая установка единственно - возможное отношеніе къ міру, къ культурному дѣланію, или она односторонняя и должна быть понята антиномически, принята какъ одновременно предполагающая и утверждающая и иное отношеніе къ міру, къ человѣческому творчеству и человѣческой исторіи, т. е. должно быть утверждаемо христіанство не только мироотреченное, но и миропріемлющее? Догматически это б е з с п о р н о. Богъ создалъ человѣка существомъ космическимъ, любящимъ міръ, и ветхозавѣтный человѣкъ былъ такимъ. Даже болѣе — въ своемъ невѣдѣніи путей, указанныхъ христіанствомъ, онъ былъ связанъ съ міромъ сильнѣе, чѣмъ это возможно христіанину. Ветхозавѣтный человѣкъ не знаетъ аскетизма въ христіанскомъ смыслѣ слова. Онъ знаетъ законъ, но не знаетъ мироотреченія, борьбы съ самимъ собой. Въ христіанствѣ эта изначальная космичность человѣческаго существа не устраняется, но только возводится на высшую ступень. Господь воплотился для спасенія міра. Христіанство научаетъ любить міръ, землю, гдѣ ходилъ Христосъ, любить человѣка. Но въ христіанствѣ эта задача становится трудной и почти невозможной — такъ какъ ставится антиномически, требуется не любить міра и вмѣстѣ съ тѣмъ любить міръ творчески, т. к. человѣкъ отвѣтственъ за міръ, призванъ къ творческому соучаствію въ становленіи міра.

Въ условіяхъ обозначившейся секуляризации культуры задача антиномического сопряженія предѣльнаго мироотреченія съ предѣльнымъ же утвержденіемъ религіознаго смысла и цѣли историческаго дѣланія, пріятія и освященія культурнаго творчества принимаетъ характеръ исключительно трагической. Она вырастаетъ изнутри церковной жизни, такъ что ни Цер-

ковь, ни мы въ Ней, уже не можемъ уйти отъ этой задачи. Отсутствие религіознаго отвѣта на основную трагедію современности приводитъ къ тому, что церковное сознаніе неизмѣнно и неотвратно обмирщается, съ другой стороны, и самая религіозность наша все больше и больше становится имманентной міру. Современное соотношеніе между православіемъ и исторической дѣйствительностью таково, что оно уже исключаетъ возможность безразличнаго или только утилитарнаго отношенія къ міру. Для первыхъ христіанъ легко было ждать кончины міра — въ невѣдѣніи предстоящаго длительного пути историческаго развитія, они жили въ увѣренности, что все вотъ, вотъ оборвется, окончится. Эта апокалиптическая установка христіанства не разъ повторялась, раскрываясь, какъ одна изъ могущественныхъ силъ христіанства. Но нужно признать, что такая вѣра нашей эпохи уже не свойственна. Это не значитъ, что мы не вѣримъ въ грядущій судъ, не ждемъ грядущаго міроваго катаклизма, когда «звѣзды спадутъ съ неба, а луна не дастъ свѣта». Всего этого и мы ждемъ, но мы уже иначе воспринимаемъ нашу связанность съ міромъ, съ природой, не можемъ уже мыслить и ощущать и міръ, и природу какъ только нѣчто вышнее, трансцендентное по отношенію къ намъ, къ нашему спасенію. Все, сказанное о кончинѣ міра, осуществляется чрезъ насъ и въ насъ совершается. Второе пришествіе не только съ неба грядетъ, но и въ насъ предначинается. Механическое завершеніе исторіи по типу *Deus ex machina* исключающему человѣчeskія совершенія, человѣческое соучаствіе въ созрѣваніи исторіи, совершенно не свойственно нашему мироощущенію. Отрицаніе такого механическаго пониманія конца исторіи и признаніе участія въ этомъ завершеніи и человѣческаго дѣланія, — это есть одинъ изъ самыхъ значительныхъ духовныхъ

фактовъ нашего времени. Его не замѣчаютъ, но онъ есть, о немъ молчатъ, но онъ не можетъ быть замолчанъ, ибо стоитъ въ сознаниіи христіанскаго міра. Если въ концѣ міра онъ не подлежитъ уничтоженію, но преображенію, то и мы призваны къ соучастию въ совершающемся преображеніи, предуготовляющѣмъ послѣднее преображеніе, и при этомъ роковой вопросъ о мѣстѣ, значеніи и смыслѣ культурнаго творчества встаетъ съ новой силой. Отвѣтъ аскетическаго христіанства, лишь попускающаго культурное дѣланіе, но оставляющаго его в н ѣ п у т и с п а с е н і я, явно не удовлетворяетъ. Положительный отвѣтъ о цѣнности культуры возможенъ тогда, когда жизненно, практически осуществляется и ощущается, что путь культурнаго дѣланія есть и путь спасенія, что въ культурномъ творчествѣ есть положительная религіозная значимость. То, что встаетъ на пути культурнаго дѣланія, должно быть утверждено какъ нашъ историческій долгъ, какъ путь спасенія. Въ христіанствѣ еще не достаточно сильно это сознание, но поворотъ христіанскаго сознанія въ эту сторону уже обозначился. Творчество, — «человѣчность человѣка» — должно быть раскрыто, какъ путь Христовъ, какъ призваніе и задача христіанскаго міра, и мы уже не можемъ уйти отъ этой задачи: хотя путь восхожденія къ Богу внѣвремени, вѣченъ, но раскрытіе его въ исторической дѣйствительности многообразно. Мы уже вопрошаемъ не о личномъ только спасеніи мы даже не можемъ думать, говорить только о томъ, чтобы мнѣ спастись, не мысля о другихъ, о всемъ человѣчествѣ, о всѣхъ братіяхъ во Христѣ. Человѣчество связывается все больше и больше круговой порукой общаго спасенія. Христось на страшномъ судѣ будетъ вопрошать не только cadaго, но и всѣхъ, будетъ судить все челоѣчество, потребуетъ отвѣта отъ всей челоѣческой

исторіи. Далѣе — наше время отмѣчено измѣняющимся отношеніемъ челоѣка къ природѣ. Можетъ быть, мы только еще въ началѣ эпохи, которая характеризуется стремленіемъ къ наибольшему овладѣнію челоѣкомъ природою. То, что совершается сейчасъ вокругъ насъ, нельзя считать только уже начавшимися «чудесами звѣря» (упрощенное апокалиптическое пониманіе, продиктованное страхомъ и раздраженіемъ). Новое отношеніе къ природѣ ставитъ предъ христіанскимъ челоѣчествомъ новыя отвѣтственныя проблемы, съ новой силой возвращаетъ къ осознанію эсхатологическаго смысла совершающагося, и ставитъ вопросъ о томъ, какъ и въ чемъ челоѣкъ можетъ и долженъ приобщиться къ совершенію и завершенію историческихъ судебъ міра.

Мы не можемъ не сознавать, что все совершающееся въ Церкви и вокругъ Церкви, въ исторіи, имѣетъ христіанскій смыслъ, что все это — достояніе челоѣчества, искупленнаго Христомъ. Христось освободить міръ отъ кошмара демонизма, владѣвшаго міромъ въ язычествѣ, и челоѣкъ сталъ предъ міромъ въ полнотѣ силы, его господиномъ. Это воздѣйствіе искупленія, совершеннаго Христомъ, распространяется и на христіанскіе народы, и даже на нехристіанскіе, поскольку они входятъ въ круговоротъ христіанской исторіи. Уйти отъ этого дѣйствія силы Христа въ исторіи мы не можемъ. На эти новые вопросы отвѣта еще нѣтъ, т. к. часто единственнымъ отвѣтомъ является вопросъ, и до наступленія сроковъ намъ дано только дѣ предчувствіи стучаться въ двери грядущаго. Ветхозавѣтные пророки Исаія, Іеремія, Іезекиль, Данииль и друг. ублажаются церковью. Они въ своемъ историческомъ предвѣдѣніи, по сравненію съ тѣмъ, что явлено намъ, могутъ казаться слѣпыми, но они велики, ибо они слышали надвигающееся, читали вѣщанія созвѣздій, не закрывали сердца для голо-

совъ будущаго. Но не подобно-ли и мы обращаемся къ невѣдомому будущему, которое уже чувствуемъ въ непостижномъ настоящемъ.

Обратимся еще къ тому, что уже отошло отъ Церкви и съ ней борется. Сейчасъ въ христіанскомъ мірѣ существуютъ два стана — безбожная гуманистическая культура, связанная по своему происхожденію съ христіанствомъ, и христіанская Церковь. Есть ли въ гуманистической обезбоженной культурѣ только безнадежная языческая пошлость, — ибо язычество послѣ Христа — пошлость, паденіе ниже человѣка, — или гуманистическая культура несетъ въ себѣ также потенціи религіозныя? У Вл. Соловьева есть трудная и пререкаемая мысль, — (въ статьѣ объ упадкѣ средневѣковаго міросозерцанія), онъ говоритъ «о христіанахъ безъ Христа». Это замѣчаніе обронено имъ по поводу Вольтера, который своей насмѣшкой погасилъ огни инквизиціи. Въ сущности, В. Соловьевъ утверждаетъ, что гуманизмъ въ своемъ Христоборствѣ творилъ Христово дѣло — побѣждалъ ужасы казней, пытокъ, освобождалъ человѣческую личность, преодолевалъ звѣриную жестокость человѣка. Мысль Соловьева трудна, потому что она можетъ быть истолкована и какъ подмѣна религіозныхъ цѣнностей утилитарными. Но она можетъ быть понята и болѣе положительно. Тогда она утверждаетъ, что 1) вся новѣйшая исторія Европы есть существенно исторія христіанская и что 2) Боговоплощеніе относится ко всему человѣческому роду, сила и дѣйствіе его не могутъ быть исчерпаны только даннымъ моментомъ. Это можетъ быть понято при признаніи, что личное сознание неизмѣримо мельче того, что именуется подсознательнымъ. Какъ совершающееся въ крещеніи совершается на такихъ глубинахъ духа, что сознание не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ и то, что совершается

въ глубинахъ исторіи Сила Христова, глубже нашего прямого вѣдѣнія. Если всерьезъ принять мысль о софійности міра, признать, что міръ полонъ божественныхъ силъ, есть живая риза Божества, то человѣкъ, живя въ мірѣ, прикасается къ его божественности, взаимодействуетъ съ божественными силами, даже въ томъ случаѣ, если онъ и не вѣдаетъ Бога. Потому даже гуманистическая культура въ своей глубинѣ ведетъ къ опознанію человѣкомъ своей религіозной глубины и религіозной глубины культуры. Вульгарный материализмъ, прививаемый въ сов. Россіи, испепеливается при соприкосновеніи съ углубленной человѣческой мыслью. Но и болѣе тонкіе соблазны преодолеваются изнутри себя самихъ, когда въ нихъ раскрывается свѣтъ божественнаго Логоса. Гуманистической культурѣ отъ Бога не уйти. На совершающееся въ мірѣ могутъ быть двѣ точки зрѣнія: — или мы живемъ въ царствованіе Гога и Магога, въ дни всеобщаго и послѣдняго отпаденія отъ Христа. И тогда все ясно и просто, — никакого вопроса о взаимоотношеніи между православіемъ и культурой и не встаетъ. Или же человечество не только еще не раскрыло силы Христовой и въ себѣ и въ исторіи, но и далеко еще отъ этого свершенія. Человѣчество сейчасъ — это дѣти, отроки, которые, возрастая, поднимаютъ бунтъ для того, чтобы встрѣтиться со Христомъ на своемъ собственномъ пути, и, чтобы осуществилось раскрытіе полноты силы Христовой и полноты «человѣчности» человечества, нужно, чтобы безбожное сознаніе злочлнулось въ пустотѣ, чтобы ненасытнѣе человѣческое сознаніе пришло къ безысходности, почувствовало нужду къ церковномъ, властномъ, положительномъ богооткровенномъ объясненіи истины того, чего ему не хватаетъ. Утверждая это, мы не впадаемъ въ розовый оптимизмъ. Отъ излишняго оптимизма стра-

хуеть сама переживаемая нами эпоха, и не только потому, что мы, русские, испытали катастрофу, но и наши европейские братья тоже стоят предъ возможностью такой же катастрофы — по крайней мѣрѣ, всюду слышатыя громовые раскаты. Конечно, мы не желаемъ, чтобы эта катастрофа постигла ихъ, но и не боимся ея. Катаклизмы историческіе еще не являются концомъ міра. Взятіе Рима, паденіе Византіи тоже, вѣдь, переживалось современниками, какъ конецъ міровой исторіи, но исторія продолжалась.

Внѣшнія судьбы исторіи отъ насъ не зависятъ, намъ не подвластны, но отъ насъ зависитъ то, какъ раскрывается въ нѣдрахъ нашего сознанія догматы Богочеловѣчества.

Въ аскетикѣ христіанство раскрывается какъ путь личнаго спасенія души, удлинненный подвигъ въ устремленіи человѣка къ Богу и Христу, бракъ единичный души со Христомъ. Но Христомъ не только соединилъ Бога съ человѣкомъ, но и искупилъ человѣческое существо. Онъ — Новый Адамъ и поэтому — истинный человѣкъ, который былъ созданъ въ лицѣ перваго Адама, но не устоялъ въ своемъ достоинствѣ. Новый Адамъ, въ своей ипостаси соединившій Бога и Человѣка, болѣе призванъ быть господиномъ вселенной, чѣмъ первый: человѣкъ, соединяясь со Христомъ, призывается участвовать въ Его подвигъ и дѣлѣ. Участіе это не ограничено въ своихъ плодахъ предѣлами земной жизни, но совершается на землѣ, хотя и не достаточно осуществилось.

И безбожный гуманизмъ не есть ли извнѣ обозначившаяся болѣзнь внутренней секуляризаціи Церкви? Человѣческое творчество въ аскетическомъ міровоззрѣніи было отвергнуто, человѣчность человѣка была обезцѣнена, и, обезцѣненная въ Церкви, подняла свою голову внѣ Церкви. Все, что до сихъ поръ возставало

противъ Христа, въ религіозномъ отношеніи представляется своего рода недомыслиемъ, которое, при видимомъ возстаніи противъ Христа, все же лишено силы и ненависти послѣдняго, сознательнаго богоборчества антихриста. Даже богоборчество большевиковъ, столь поражающее по грубости и размѣрамъ, по существу — по отроческому состоянію ума, и сектантскому религіозному воодушевленію вдохновителей антирелигіозной борьбы — не можетъ быть приравнено къ такому явленію силы антихриста, которое соответствовало бы зрѣлости человѣчества. Вл. Соловьевъ отмахивался отъ продолженія исторіи, указывая на отсутствіе сѣваго человѣческаго матеріала. Въ этомъ проявилось извѣстное личное утомленіе, личное настроеніе Соловьева. Говорила и извѣстная историческая ограниченность, ибо на путяхъ исторіи имѣютъ большое значеніе духовныя силы и потенціи. Христова Церковь еще не явила себя во всей силѣ и славѣ на путяхъ свободнаго творчества. Это не значитъ, что Она не была воспитательницей и руководительницей человѣка. И была, и есть. Но время приноситъ новыя задачи. Отвѣтъ на эти задачи труденъ, ибо онъ новыя, насколько вообще можетъ быть новое въ исторіи. Въ человѣческомъ творествѣ все фактически дано, предназначено Богомъ человѣку, — это — старое, но раскрытіе этихъ данныхъ всегда новое. Можно ли было изъ 1-го вѣка предвидѣть 4-й и изъ 4-го вѣка — вѣкъ реформаціи? Это не означаетъ, что историческій процессъ безбреженъ, что онъ раскрывается какъ дурная безконечность, но онъ весь центрированъ въ человѣкѣ. Въ человѣкѣ совершается божественное, и въ этомъ осуществленіи божественныхъ плановъ чрезъ совершенія человѣка — тайна исторіи, тайна созрѣванія міра до полной глубины. Намъ не дано видѣть грани этихъ совершеній, чело-

вѣкъ движется, не видя послѣднихъ предѣловъ.

Итакъ, каково же отношеніе православія и культуры? Православіе своимъ аскетическимъ подвигомъ, духовной жизнью даетъ человѣческой душѣ вообще жизнь, и она раскрывается какъ жизнь человѣка во всей его человѣчности. Человѣчность не должна быть умалена, она должна найти религиозное оправданіе, стать путемъ спасенія для каждаго, соответственно его личному труду, призванію, силамъ. Православіе можетъ освятить этотъ личный трудъ. Все истинное, что есть въ культурѣ, въ творческомъ отношеніи къ міру, принадлежитъ Христу, и

будетъ явлено въ своей принадлежности Церкви; только тогда, когда будетъ явлено, что въ исторіи принадлежитъ Христу и что антихристу, можно будетъ говорить о концѣ исторіи. Время не есть опредѣленная, неизмѣнная величина, время сжимается, расширяется, растетъ, оно имѣетъ свое содержаніе. По одному масштабу — послѣ явленія Христа — съ наступленіемъ «послѣднихъ временъ» все уже кончено, исторія совершена, по другому — «послѣднія времена» осуществляются нами, но не осуществлены, и мы, а еще болѣе послѣдующія поколѣнія, призваны къ этой Божіей работѣ...

По поводу статьи М. Артемьева

(Вѣстникъ. Іюль).

Статья М. Артемьева «Принципы и программа заочнаго руководства самообразованіемъ», напечатанная въ іюльскомъ № «Вѣстника», вызвала среди части читателей и членовъ Движенія смущеніе и недоумѣніе. Главная причина смущенія, насколько можно судить по полученнымъ письмамъ и бесѣдамъ, заключается въ томъ, что статья была понята, какъ лекларативная, какъ уже окончательная формулировка содержанія и плана заочнаго руководства самообразованіемъ. Между тѣмъ, «Вѣстникъ», помѣщая эту статью, имѣлъ въ виду, съ одной стороны, познакомить читателей съ программой, принятой Тайной Религіозной Академіей въ сов. Россіи, какъ отражающей существующія въ части совѣтской интеллигенціи религиозно - философскія исканія и настроенія. Съ другой стороны, — «Вѣстникъ» хотѣлъ воспользоваться этой статьёй въ качествѣ исходнаго момента и матеріала для предварительныхъ суж-

деній и замѣчаній читателей и друзей «Вѣстника», чтобы на основаніи собраннаго матеріала выработать нашъ путь, создать нужную и отвѣчающую православному религиозному сознанію программу и систему заочнаго руководства самообразованіемъ. Содержаніе статьи - программы, особенно же терминологія и классификація путей и «достоинствъ» человѣка — даетъ много поводовъ къ подозрѣніямъ въ «оккультизмъ» и въ «теософію».

Попытки классификацій и терминологій рѣдко бывають удачны и безспорны, въ особенности, если дѣло касается областей, до сихъ поръ еще не разработанныхъ.

Цѣня и дею заочнаго руководства самообразованіемъ и желая найти пути къ вѣрному практическому осуществленію этой идеи, «Вѣстникъ», не безъ колебаній, воздержался отъ какихъ либо примѣчаній къ статьѣ, хотя и сознавалъ пре-